

Лев Гольдтейн

ДОРОГА К РАБСТВУ

(По страницам книги лауреата Нобелевской премии
доктора Фридриха А.Хайека "Дорога к рабству").

Начале несколько слов об авторе. Фридрих Август Хайек родился в 1899 году, в Вене, получил ученую степень доктора права и доктора политических наук; в свое время был первым директором Венского института экономических исследований. С 1931 года — профессор Лондонского университета, где получил кафедру экономики и экономической статистики. С 1950 года работал в США, с 1962 года — в ФРГ. В 1974 году ему была присуждена Нобелевская премия.

Книга "Дорога к рабству" была впервые опубликована в Великобритании в 1944 году. В 1953 году была издана на русском языке в Лондоне издательством НИИНА КАРСОВ в переводе с английского Нины Ставской, под редакцией и с примечаниями А. Бабича.

Книга обращена к "Социалистам всех партий", ей предпосланы два эпиграфа:

Давид Юм: "Любая свобода, как правило, утрачивается постепенно";

Алексис де Токвиль: "Полагаю, я любил свободу во все времена, но в наши дни я готов поклоняться ей как Богу".

Книга актуальна и в наше время, т.к. сейчас закладываются те основы философии и политики, которые будут влиять на жизнь ближайших поколений нашего общества. Это не значит, что нам следует согласиться со всем, что пишет Ф.А.Хайек, однако было бы опрометчиво не взять тем серьезным предостережениям, которые содержатся в этой книге, безусловно заслуживающей скорейшего издания в нашей стране. При изложении сохранена, в основном, авторская последовательность и эпиграфы, которые предпосланы каждой из 15 глав этой книги.

* * *

В предисловии к русскому изданию автор писал: "Сорок лет назад я попытался в этой книге показать, почему определенное интеллектуальное течение, завладевшее умами многих ведущих западных мыслителей, угрожает гибелью всей построенной нами ци-

цилизации. Появление книги, как и следовало ожидать, было встречено большинством интеллектуалов враждебно (...).

Тем не менее, она стала отправной точкой нового интеллектуального направления, которое ныне находит все больше сторонников среди молодежи, осознающей порочность даже самих идеальных предпосылок того, что когда-то казалось сияющим идеалом. Представление, что наш коллективный разум достиг высот, где мы уже можем заменить саморегулирующийся процесс сознательным руководством, оказалось на поверку всего лишь иллюзией (...). Как мы теперь понимаем, подобная попытка задушила бы именно те самые индивидуальные усилия миллионов отдельных личностей, благодаря которым крутили знаний, таланта и опыта, рассеянные среди этих миллионов, сливаясь в едином, никем не направляемом процессе, формируют такую структуру человеческой деятельности, что ее возможности далеко превосходят всё, что могло бы быть достигнуто, если бы мы руководствовались сознательно задуманным проектом. Свобода индивидуума решать, на что направить имеющиеся в его распоряжении средства... еще раз признана гораздо более эффективным способом реализации потенциальных возможностей человека (...). Превосходство системы, где высшей ценностью является свобода личности, базирующаяся на институте частной собственности, было еще раз продемонстрировано противоположными результатами конкурирующих экспериментов, проводившихся на памяти двух поколений в разных частях того, что когда-то было общеевропейской цивилизацией.

Мало что могло меня порадовать больше, чем тот факт, что четырнадцатым языком, на котором появится моя книга, будет русский (...). Я почти не надеялся дождаться момента, когда увижу ее в русском переводе, воздействие которого может оказаться более значительным, чем любого другого. Я глубоко надеюсь, и желаю, чтобы мои ожидания сбылись".

* * *

"Нет исследований более раздражающих, чем те, в которых прослеживается родословная идеи" (Лорд Актон). Автор имеет в виду родословную идеи национал-социализма в Германии, показывая их прямую преемственность с идеями социалистическими. Ос-

бое спасение Фридриха Хайека визывает господство социалистических идей среди интеллектуалов Великобритании, которые как бы отстают от соответствующего идеиного периода Германии лет на 20-25. Отрицая фатализм в историческом развитии, он взялся за перо, чтобы предупредить скатывание британского общества к кол-лективизму и, как следствие, к господству той или иной формы фашизма. Он отрицает распространенное мнение, что фашизм в Германии был реакцией капитализма на социалистический вызов.

"Автор провел почти половину сознательной жизни на своей родине, в Австрии, в тесном соприкосновении с немецкой интеллек-туальной жизнью, а вторую половину - в США и Англии. Двенадцать лет, прожитых на британской земле, внушают ему всё большую уверенность в том, что некоторые из сил, уничтоживших свободу в Германии, действуют и здесь...". Причем, в Германии именно "... люди доброй воли, считавшиеся в стране образцом и пользовавшиеся всесобщим восхищением, расчистили путь для сил, воплощающих теперь все самое для них ненавистное".

Имеется большое сходство "...многих отталкивающих черт, присущих коммунистическому режиму в России и национал-социалистическому - в Германии...". И далее: "...именно преобладание социалистических взглядов роднит Германию с Италией и Россией".

Ф.Х. с тревогой предупреждает: "Можна ли вособразить себе большую трагедию, чем ту, когда мы в наших стремлениях сознательно сформировать свое будущее в соответствии с высокими идеалами, на деле невольно создадим прямую противоположность того, к чему стремимся?"

Автор замечает в предисловии к изданию 1976 года, что в годы написания книги "...термин "социализм" недвусмысленно означал обобществление средств производства и с необходимостью следующее вслед за этим централизованное экономическое планирование".

В главе "Отвергнутый путь" автор излагает свою точку зрения на рост социалистических тенденций и угрозу смешения европейской цивилизации к тоталитаризму, как на следствие отказа от идеалов либерализма и индивидуализма XIX века. "Мы постепенно отказались от той свободы в делах экономических, без которой никогда в прошлом не было свободы личной и политической.

И хотя две величайших политических мыслителей девятнадцатого века де Токвиль и лорд Актон предостерегали нас, что социализм означает рабство, мы продолжали неуклонно двигаться к социализму. А теперь, когда у нас на глазах выросла новая форма, мы настолько прочно забыли эти предостережения, что нам и в голову не приходит, что эти две вещи могут быть связаны между собой".

Между тем, "...основными чертами того индивидуализма, о котором мы говорим, явилось уважение к личности как таковой, то есть признание абсолютного присрета взглядов и пристрастий каждого человека в его собственной сфере деятельности..." По мысли автора именно развитие и применение идей либерализма открыло дорогу к бурному росту науки, промышленности и материального благосостояния. "...К началу двадцатого века западный рабочий достиг такого уровня материального комфорта, уверенности в завтрашнем дне и личной независимости, который сто лет назад казался недостижимым... Сами принципы, позволившие в прошлом добиться столь несомненного прогресса, постепенно стали рассматриваться как подлежащие незамедлительному устраниению препятствия на пути еще более быстрого прогресса, а не как залог сохранения и развития уже достигнутого (...). Можно даже сказать, что причины упадка либерализма коренятся именно в его успехах. Глядя на уже достигнутое, человек все менее был готов мириться с еще существующим злом и лишениями, которые, перестав казаться неизбежными, стали во всех отношениях казаться невыносимыми".

"Всякий раз государство превращается в настоящий ад, когда человек пытается сделать его земным раем".

Ф.Гельдерлин

В этой небольшой главе, названной "Великая утопия", автор отмечает, что социализм вытеснил либерализм в умах большинства сторонников прогресса именно обещанием большей свободы, он представлялся им бесспорным наследником либеральных традиций. "Пришествие социализма должно было стать "скачком из царства необходимости в царство свободы".

Однако, практика воплощения в жизнь великой утопии оказалась иной и даже бывший сторонник коммунистических идей Макс

Истмэн признавал "сталинизм не чуть не лучше, но хуже фашизма, более безжалостен, жесток, несправедлив, аморален, антидемократичен, не может быть оправдан никакими радужными надеждами или запоздалым раскаянием" и что "было бы точнее характеризовать его как сверх-фашизм". По мнению Истмэна "сталинизм - это и есть социализм, в том смысле, что он является неизбежным, хотя и непредусмотренным, политическим следствием национализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства, на которые он опирается как на составную часть своего плана построения бесклассового общества". Автор приводит ряд свидетельств журналистов, побывавших в России, Германии и Италии и наблюдавших процесс духовного перерождения.

Петер Друкнер писал: "...Нельзя сказать, что коммунизм и фашизм - это практически одно и то же. Фашизм - это стадия, достигаемая после того, как коммунизм оказался иллюзией, а он оказался в не меньшей степени иллюзией в сталинской России, чем в дсгитлеровской Германии". Автор книги замечает при этом, что "...к моменту прихода Гитлера к власти либерализм в Германии был практически уже мертв, - и убил его социализм". Он отмечает также близость практики коммунистов, социалистов и фашистов; именно поэтому они ненавидели друг друга как ненавидят еретиков. Однажды, "...и для тех, и для других подлинным врагом, с которым у них нет ничего общего и которого они не пытаются переубедить, являются либералисты старого типа. Для нациста - коммунист, для коммуниста - нацист, и для обоих - социалист, - это потенциальный новый член, обладающий нужными качествами, но попавший в сети ложных пророков; зато оба они знают, что не может быть компромисса между ними и теми, кто действительно верит в свободу личности."

Отвлекаясь от изложения книги, я хотел бы в этой связи обратить внимание на некоторые тревожные тенденции в современном неформальном движении и отметить статью Л.Сараскиной "Всё это уже было..." в бюллетене "Век XX и мир" № 6.

***

Социалисты верят в две совершенно разные, а может быть, и не совместимые вещи: в свободу и организацию.

Эли Галеви

Третью главу "Индивидуализм и коллективизм" автор начинает с возвращения к понятию социализм. "Слово "социализм" может сзначать (и зачастую именно в таком значении и используется) исключительно идеалы социальной справедливости, большего равенства и уверенности в завтрашнем дне, то есть конечные цели социализма. Но оно означает, кроме того, и конкретные методы, с помощью которых большинство социалистов надеется этих целей достичь" ... И тогда "... социализм - это упразднение частной собственности на средства производства и создание системы "плановой экономики", где место предпринимателя, работавшего во имя прибыли, займут централизованные планирующие органы". Для многих, считающих себя социалистами, "социализм существует лишь в первом значении: они горячо верят в конечные цели социализма, но не задумываются и не желают задумываться, как именно их можно достичь (...). С другой стороны, немало и тех, кто предан конечным целям социализма не меньше самих социалистов, но отказывается его поддерживать, ибо видят в предлагаемых социалистами методах угрозу ценностям иного порядка. Таким образом, спор становится скорее спором о средствах, нежели о целях...".

"... К планированию призывают все, кто требует, чтобы производство развивалось не "во имя прибыли", а "на благо человека". Если бы сочли желательным представлять львиную долю благ мира расовой элите (...) или касте аристократов, то используемые для этого методы все равно были бы теми же, что и методы, обеспечивающие уравнительное распределение доходов (...). Ехать может, было бы предпочтительнее дать этим методам (которые используются для самых различных целей), название "коллективизма" и рассматривать социализм как одну из его многочисленных разновидностей". Далее, автор пишет о различном понимании функций планирования. "... Спор между современными сторонниками планирования и их оппонентами заключается вовсе не в том, должны ли мы сознательно выбирать наиболее подходящую среди возможных форм организации общества, и следует ли при планировании наших общих дел использовать прогнозирование и систематическое мышление (...). Вопрос стоит следующим образом: предпочтительнее ли, чтобы власти, в чьем распоряжении находится аппарат принуждения, ограничились, вообще говоря, созданием

условий, способствующих максимальному развитию индивидуальных способностей и инициативы, что позволит отдельным людям самим успешно осуществлять планирование, или же рациональное использование наших ресурсов невозможно без централизованного управления и организации всех видов деятельности в соответствии с некоторой сознательно разработанной программой? (...) В данном пункте мнения либералов и сторонников планирования по-прежнему расходятся."

Либералы не отрицают того, "что в случае невозможности создать условия для эффективной конкуренции, нужно прибегать к иным методам управления экономической деятельностью. Единственное, чего не приемлет экономический либерализм - это вытеснение конкуренции методами, уступающими ей в эффективности.

Конкуренция в большинстве случаев - не только наиболее эффективный из известных методов; это к тому же единственный метод взаимной координации наших индивидуальных действий без принуждения или произвольного вмешательства со стороны властей. Один из главных доводов в пользу конкуренции заключается в том, что она позволяет сбояться без "сознательного общественного контроля" и дает человеку возможность самому решить, спрашивает ли потенциальная прибыльность того или иного предприятия связанные с ним неудобства и риск (...). Успешное применение конкуренции как принципа социальной организации (...) в отдельных случаях (...) требует проведения определенных правительственные мероприятий".

"Запрещение применять некоторые ядовитые химические вещества, (...) ограничение рабочего дня и требования соблюдения определенных санитарных норм - все эти меры абсолютно совместимы с сохранением конкуренции. (...). Более совместима также конкуренция с широкой сетью социальных услуг (образование, жилищное строительство, здравоохранение и пр.) - если только сама эта сеть не организована таким образом, что делает конкуренцию неэффективной в широких областях деятельности".

Однако, необходимо, чтобы "присутствующие на рынке стороны могли свободно продавать и покупать товары по любой цене, на которую найдутся желающие, и чтобы каждый имел право производить, продавать и покупать всё, что может производиться и продаваться. При этом, крайне важно, чтобы любые попытки отдельных лиц или групп тайно или явно ограничить эту свободу, преследова-

лись законом".

"...Функционирование конкурентной системы требует не только соответствующей организации таких институтов как денежная система, рынок, каналы информации (впрочем, в некоторых случаях частное предпринимательство не в состоянии этого обеспечить), но зависит в первую очередь от наличия адекватной правовой структуры, предназначение которой как для сохранения конкуренции, так и для обеспечения максимальной пользы при ее функционировании. Закрепленного законом признания принципов частной собственности и свободы заключения контрактов ни в коем случае недостаточно: многое зависит от точного определения права собственности в применении к различным объектам".

Далее, автор сстанавливается на проблеме роста монополизма и опасности, что результатом борьбы с монополизмом может стать государственный контроль монополий, от которого один шаг до централизованного управления экономикой. Однако он не считает это исторически неизбежным, предлагая вернуться к конкурентной системе.

Обсуждая кажущуюся разумность сочетания "плана" и "рынка", автор замечает: "И конкуренция, и централизованное руководство становятся плохими и неэффективными методами, если применяются не в полную силу; это разные средства решения одной и той же задачи, и смешение их приводит лишь к тому, что ни одно не окажется успешным и результат будет хуже, чем при последовательном применении чего-то одного. Иначе говоря, планирование и конкуренцию можно совместить, только если первое будет способствовать конкуренции, а не действовать против нее".

Мы первыми заявили, что чем сложнее становится цивилизация, тем более ограничивается свобода личности.

Б.Муссолини.

В четвертой главе "Неизбежность планирования" автор определяет два источника возникновения гипотезы о необходимости централизованного планирования. Один из них - это марксизм, другой (с прямо противоположной аргументацией) - круги специалистов (или технократы, как мы бы выразились сегодня). Далее, автор аргументирует против каждой из этих посылок. "Сознательно

культивируется миф, согласно которому мы переходим на новый путь не по своей доброй воле, а в результате спонтанного процесса устранения конкуренции за счет изменения в технологии производства, которые нельзя, да и не нужно поворачивать вслать (...).

Технологические сдвиги делают существование конкуренции невозможным во все большем количестве областей, а потому единственное, что нам остается — выбирать между контролем производства со стороны частных монополий и со стороны правительства. Идея эта была заимствована, главным образом, из марксистской доктрины "концентрации производства"... Разумеется, исторического факта — постепенного роста монополий (...) — сспаривать не приходится... Однако важно понять, что именно перед нами: неизбежное следствие технического прогресса или просто результат проводимой во множестве стран политики". Автор приводит выводы, сделанные в 1940 году Бременным национальным комитетом по экономическим вопросам в США в исследовании "Концентрация экономической мощи", а также монографию, изданную этим комитетом, где, в частности, говорится: "Более высокая эффективность крупных предприятий не подтверждается фактами; соответствующие преимущества, якобы приводящие к уничтожению конкуренции, во многих областях, как выяснилось, отсутствуют. Не соответствует действительности и то, что крупные экономические структуры там, где они существуют, неизбежно влекут за собой появление монополии... Оптимальный размер или размеры экономической структуры, соответствующие максимальной эффективности, могут быть достигнуты задолго до того, как значительная часть общего объема предложения данного товара будет находиться под контролем монополистических групп. Нельзя согласиться с тем, что преимущества крупномасштабного производства неминуемо ведут к уничтожению конкуренции. Более того, следует подчеркнуть, что монополизация весьма часто представляет собой результат действия иных факторов, но не тем, что крупный размер производства обеспечивает низкую себестоимость продукции! Монополии образуются путем тайных сговоров и посещаются правительственной политикой. Если объявить подобные сговоры недействительными и изменить политику, то условия для существования конкуренции восстановить можно".

Ф.Х., в подтверждение этого вывода ссылается также на Гер-

манию. "Что там подавление конкуренции было сознательной политикой, проводившейся во имя идеала, сейчас называемого планированием, - не вызывает сомнений. В своем постепенном переходе к целиком и полностью планируемому обществу немцы, как и все, кто им сейчас подражает, просто следовали курсом, проложенным для них мыслителями девятнадцатого века..." Автор делает вывод, что "любой дальнейший рост сложности цивилизации отнюдь не делает необходимым централизованное руководство; напротив, этот рост гораздо настоятельнее, чем когда-либо прежде, требует от нас использования метода, не зависящего от сознательного регулирования."

Не будемстанавливаться подробно на второй гипотезе неизбежности планирования. Заметим только, что исходным является уверенность специалиста (или технократа) в том, что в планируемом обществе ~~штатного~~ уникальная и дорогостоящая идея скорее может быть воплощена в жизнь, чем в конкурентном обществе: т.е., что ему легче будет убедить принимающих решения, чем победить в условиях конкуренции. На это Ф.Х., в частности, замечает: "Но на деле социальное планирование, которого они так настойчиво требуют, может лишь обнажить скрытые противоречия в их целях. (...) ... нельзя себе представить более невыносимого (и более иррационального) мира, чем тот, в котором крупнейшим специалистам в каждой области позволено беспрепятственно добиваться осуществления своих идеалов.

* * *

Государственный деятель, пытающийся указывать частным лицам, как им распорядиться своими капиталами, не только привлек бы к себе совершенно ненужное внимание; он присвоил бы полномочия, которые небезопасны в руках любого совета и сената, но всего опасней в руках человека, настолько безрассудного и самонадеянного, чтобы себя считать пригодным для осуществления этих полномочий.

Адам Смит

Пятая глава "Планирование и демократия" является, на наш взгляд, одной из ключевых в этой книге. Здесь автор показывает неизбежность перехода к диктатуре того общества, где осуществляется централизованное экономическое планирование.

"Различные виды колLECTИВИЗМА (коммунизм, фашизм и т.д.)

разнятся между собой характером целей, на достижение которых они стремятся направить усилия общества; но все они отличаются от либерализма и индивидуализма стремлением организовать все общества и все его ресурсы во имя достижения этой единой цели, а также отказом признавать существование сфер, в которых верховным законом являются личные цели индивидуума. Короче говоря, они являются тоталитаристскими в подлинном смысле этого нового слова, принятого нами для обозначения неожиданных, но неизбежных проявлений на практике того, что в теории мы называем "коллективизмом".

Автор пишет, что для осуществления "справедливого" централизованного планирования несобходимо иметь некую иерархию ценностей, признаваемую всеми членами общества, что крайне затруднительно. "... ни один ум не может охватить всех бесконечно многообразных потребностей людей, соперничающих за доступ к имеющимся ресурсам, и четко определить значимость каждой из них. ... несущественно, что именно важно для того или иного человека: только его личные потребности, или нужды его близких, или даже цели более далеких от него людей (...). Важно то, что любой человек может охватить лишь ограниченную область, сознательно несобходимость удовлетворения лишь конечного числа потребностей (...) ... цели его всегда останутся лишь бесконечно малой частицей потребностей всего человечества (...). Из этого индивидуалист делает вывод, что люди должны быть позволено внутри определенных рамок руководствоваться своими, а не чужими ценностями... Именно к этому признанию индивидуума верховным судьей собственных нужд, к вере в то, что его действия должны насколько возможно определяться его собственными взглядами, и сводиться суть индивидуалистической позиции (...). Так называемые "общественные цели" - для нее просто тождественные цели множества индивидуумов (или цели, достижению которых индивидуумы соглашаются содействовать в обмен на помощь в осуществлении своих собственных целей). Таким образом, совместная деятельность ограничивается сферами, в которых люди единодушны (...) Государство может полагаться на добровольное согласие граждан только до тех пор, пока его деятельность не ограничивается сферой, в которой такое согласие существует. Но как только государство переходит к прямому контролю и принуждению в тех областях, где такого согласия нет, оно оказывается вынужденным по-

давлять свободу личности (...). Там, где как это было уже с 1828 года в Германии, центральные и местные власти непосредственно распоряжаются использованием более половины национального дохода (...), они тем самым косвенно регулируют почти всю экономику страны. В этом случае практически больше нет личных целей, осуществление которых не зависит от действий государства...".

"Одна из особенностей планируемой экономики, в наибольшей степени определяющая ее характер, заключается в том, что люди оказываются вынужденными приходить к соглашению по гораздо большему числу вопросов, чем обычно... Даже если единодушное волеизъявление народа состоит в том, чтобы парламент подготвил всесообщественный экономический план, это не означает, что сам народ или его представители сумеют прийти к единодушному мнению, что должен собой представлять любой конкретный план. Эта неспособность представительных органов выполнить как будто бы вполне ясный наказ избирателей неизбежно вызовет неудовлетворенность демократическими институтами".

"Виноваты в этом не отдельные члены парламента и не парламентские учреждения как таковые, а внутренние противоречия, присущие порученной им задаче. От них требуют не действий в тех областях, где они могут прийти к согласию, а достижения договоренности относительно всей системы руководства ресурсами страны в целом. Однако для такой задачи система принятия решения большинством не годится. Большинством голосов можно принимать решения тогда, когда выбор ограничен определенной альтернативой; но никуда не следует, что должна существовать определенная точка зрения большинства по всем вопросам. (...) С другой стороны, внутренне согласованный план не может быть получен в результате разбиения проекта на части и голосования по отдельным пунктам. Демократический законодательный орган, голосующий и принимающий поправки к единому общенациональному плану статья за статьей, как в случае обычного законопроекта - это абсурд (...). Сложное целое, в котором все части должны быть тщательнейшим образом согласованы, недостижимо путем компромисса между противоположными точками зрения. Разработать таким образом экономический план невозможно - точно так же, как невозможно демократическим путем успешно спланировать военную кампа-

нию. И в том, и в другом случае мы должны доверить эту задачу специалистам. (...) Генералу не приходится взаимоуравновешивать различные (...) задачи... (...) для разработки экономического плана требуется делать выбор между взаимопротиворечиями или конкурирующими задачами, между различными потребностями различных людей (...) ... из чего придется выбирать - знать все это могут только те, кто знает все имеющиеся факты; и только они, эксперты, могут решать, какой из множества целей отдать предпочтение. Поэтому они неизбежно начнут навязывать обществу, для которого производится планирование, свою иерархию приоритетов. (...) ... единодушная уверенность в необходимости плана в сочетании с неспособностью демократических институтов такой план выработать, будет порождать все более резкие требования уполномочить правительство или какую-нибудь отдельную личность действовать на свой страх и риск... (...) Призыв к диктатуре в экономике - это характерная стадия движения к планированию... (...) Гитлеру не пришлось уничтожать демократию: он просто воспользовался ее распадом и в критический момент получил поддержку множества людей, которые его ненавидели, но которым он представлялся единственной достаточно сильной личностью, способной установить надвигающийся хаос".

Далее, Ф.Х. пишет о доводах сторонников сочетания демократии и централизованного планирования, которые заключаются в том, что перепоручив специалистам разработку плана, можно за парламентом оставить обсуждение и демократический контроль. Однако, по мысли автора, при сохранении демократической процедуры представленный план наверняка подвергнется критике, но она не возымеет серьезного действия, т.к. всегда можно будет доказать, что вносимая поправка приводит к рассогласованности плана в целом. "Парламент, вероятно, даже сможет предотвратить кое-какие всплывающие злоупотребления и настоять на исправлении частных недостатков. Но он будет лишен возможности осуществлять руководство... Вся система будет тягаться к плебисцитной диктатуре, при которой глава правительства время от времени подкрепляет свою позицию всенародным голосованием, но располагает при этом полным набором средств, позволяющих направить голосование в нужное ему русло".

О свободе можно сказать словами лорда Актона, которые приводит автор, что она "не средство достижения высших политических

целей. Она сама по себе – высшая политическая цель. Она требуется не для хорошего управления государством, но в качестве гаранта, обеспечивающего нам право беспрепятственно стремиться к осуществлению высших идеалов общественной и частной жизни". Далее автор пишет: "Демократия по сути своей – средство, утилитарное приспособление для защиты и поддержания социального мира и свободы личности. Как таковая, она вовсе не является ни непогрешимой, ни абсолютно надежной (...). Конфликт между демократией и планированием всзникает из того простого факта, что демократия препятствует подавлению свободы, которого требует централизованное руководство экономической жизнью". Автор называет близоруким подходом, считающим, что демократия – это главная ценность, находящаяся под угрозой и что "...пока источником власти... является воля большинства, не может существовать произвола (...)" ... от произвола власть сдерживает не ее источник, а ограничения. Демократический контроль может предотвратить перерождение власти в самовластье, но не самим фактом своего существования. Если демократия решается взяться за задачу, реализация которой по необходимости влечет за собой использование власти, не ограниченной никакими твердо установленными рамками, – она неизбежно превращается в деспотию".

* * *

Как подтвердили недавние исследования по социологии права, фундаментальный принцип формального права, согласно которому каждый случай нужно рассматривать в соответствии с общими рациональными предписаниями, имеющими минимальное число исключений и позволяющими логически показать, что данный случай подпадает под данное правило, верен только для либеральной конкурентной стадии капитализма.

К.Маннгейм

В шестой главе "Планирование и правозаконность" автор подробно рассматривает процесс размытия формальных юридических правил и их замену решениями "по существу дела" по мере усиления контроля государства над экономикой во все более крупных мас-

штабах. "Планирование законодательным путем устанавливает, насколько материально обеспечены будут те или иные люди, что им позволено делать и что иметь. Практически, это означает возврат к системе, где определяющую роль играл социальный статус, поворот вспять того поступательного движения, о котором говорит-ся в знаменитой фразе Генри Мэйна: "Развитие передовых обществ до настоящего времени всегда шло от господства статуса к гос-подству договора". (...) Именно правовое государство, где вер-ховным авторитетом является формальное право и отсутствуют юри-дические привилегии для отдельных назначенных властями лиц, гарантирует равенство перед законом, представляющее собой про-тивоположность деспотическому правлению."

"Можно даже сказать, что для эффективности принципа право-законности сам факт наличия правила, применяемого всегда, без исключений, важнее того, в чем это правило состоит (...). Противоречия между формальным правосудием и формальным равенством перед законом, с одной стороны, и попытками реально осуществить различные идеалы справедливости и равенства с помощью решений "по существу дела", - с другой, объясняется общераспространен-ная путаница, связанная с термином "привилегия", и постоянное злоупотребление им. Как важнейший пример такого злоупотребле-ния назовем лишь применение этого термина к собственности как таковой. Собственность, действительно, была бы привилегией, если бы земельная собственность, например, была, как в прошлом, до-стоянием исключительно тех, кто принадлежал к дворянскому сос-ловию. И она действительно является привилегией, если право производить или продавать те или иные продукты оказывается, как в наше время, исключительно достоянием конкретных, нази-ченных властями людей. Но называть привилегией частную собст-венность вообще, которую любой может присобрести по установлен-ным правилам, только из-за того, что присобрести ее могут не все, значит лишить термины "привилегия" всякого смысла."

"Концепция правозаконности была сознательно развита лишь в либеральную эпоху и является одним из величайших ее достиже-ний, не только как гарантия свободы, но и как юридическое ее воплощение. По словам Иммануила Канта (а до него это почти теми же словами выразил Вольтер), "человек свободен, когда обязан повиноваться не людям, а одним лишь законам". Эта концепция, -

пишет Ф.Х., "никогда еще не находилась под такой серьезной угрозой, как ныне. Представление с том, что власть законодателя безгранична, - в определенной степени результат верховной власти народа и демократического правления. Это мнение еще более укрепилось благодаря вере в то, что правозаконность не нарушается, пока все действия государства должным образом санкционируются законодательством. Однако, такое понимание принципа правозаконности совершенно неверно. Этот принцип не имеет ничего общего с вопросом, являются ли действия правительства законными в юридическом смысле слова. Они вполне могут быть таковыми и тем не менее не соответствовать принципу правозаконности (...). Чуть Гитлер получил неограниченную власть строго конституционным путем и, следовательно, всё, что он делает, в юридическом смысле законно. Но кто осмелится на этом основании утверждать, что в Германии по-прежнему правит правозаконность?

Таким образом, когда мы говорим, что в плановом обществе принцип правозаконности не может сохраниться, мы имеем в виду не то, что действия правительства в нем будут незаконными, и что оно само непременно будет беззаконным. Это означает только то, что применение правительственным аппаратом насилия в нем больше не будет ограничено и обусловлено заранее установленными правилами. Для осуществления централизованного руководства экономикой можно, и даже необходимо, юридически узаконить то, что фактически является произволом [...] ...) ... Если закон обеспечивает властям возможность осуществлять руководство экономической жизнью, то он должен предоставить им полномочия принимать решения и проводить их в жизнь в секторах, которые нельзя предсказывать, и исходя из принципов, не поддающихся формулированию в общем виде. Вследствие этого, по мере расширения масштабов планирования постоянно расширяется практика передачи законодательных полномочий различным министерствам и другим исполнительным органам. (...) Итак, правозаконность подразумевает ограничение подлежащей законодательству сферы общими правилами, свод которых известен под именем формального права... (...) Следовательно, могут существовать законодательные акты, нарушающие принцип правозаконности. (...) Опыт самых разных стран центральной и Восточной Европы ярко показал, что даже формальное признание прав личности, как и прав национальных меньшинств,

теряет смысл в государстве, вступающем на путь полного контроля над экономикой".

***

Контроль производства материальных благ есть контроль всей человеческой жизни.

Хипер Беллсок

В седьмой главе "Экономический контроль и тоталитаризм" Ф.Х. пишет: "Те сторонники планирования, которые серьезно изучили практические аспекты стоящей перед ними задачи, в большинстве своем пришли к убеждению, что руководство планируемой экономикой должно осуществляться более или менее диктаторским путем. Если вообще можно направленно руководить сложной совокупностью взаимосвязанных видов деятельности, то это должен делать единый коллектив экспертов, и верхняя власть должна находиться в руках главнокомандующего. (...) В утешение нам говорится, что такое авторитарное руководство будет распространяться "только" на экономику. (...) К сожалению, вера в то, что власть над экономикой - ведь второстепенная, вера, позволяющая людям легко смотреть на угрозу свободе наших экономических начинаний, совершенно необоснованна. (...) Экономические ценности второстепенны именно потому, что мы свободны решать, что для нас более важно, а что менее. Другими словами, в современном обществе мы сами решаем свои экономические проблемы. Контроль наших экономических дел фактически означает контроль каждого нашего шага... (...). Поэтому вопрос, встающий в связи с экономическим планированием, заключается не в том, сможем ли мы удовлетворять более или менее важные для нас потребности так, как нам заблагорассудится. Вопрос в том, кто будет решать, что более важно, а что менее: мы или плановые органы. Экономическое планирование будет затрагивать не только второстепенные нужды, презрительно именуемые чисто экономическими: у нас как личностей будет снято право самим решать, что считать второстепенным, а что нет.

Согласно власти, управляющие всей экономической жизнью, будут контролировать не только "прозаические" стороны жизни; они

ведать

будут ~~и~~ распределением лимитированных средств достижения всех наших целей. (...) Но ведь тот, в чьих руках сосредоточена власть над средствами, должен решать, каким целям служить, какие ценности выше, а какие ниже - словом, во что верить и к чему стремиться. (...) Свобода выбора в конкурентном обществе зависит на том, что если одно лицо отказывается удовлетворить наши желания, мы можем обратиться к другому. При столкновении же с монополистом мы оказываемся в его власти. А ведь органы, руководящие всей экономикой, будут самым могущественным монополистом, которого только можно себе представить. (...) В конкурентном обществе можно иметь всё (или почти всё), если заплатить за это достаточно высокую цену - хотя зачастую эта цена оказывается немыслимс высокой. Принципиальное значение этого факта трудно переоценить. Альтернативой этой ситуации является, однако, всецне испытая свободы выбора, а приказы и запреты, которым мы должны повиноваться, или, в крайнем случае, благосклонность или даже покровительство власти имущих".

Далее, автор пишет, что сторонники планирования экономики раньше утверждали, что переход к этой системе сулит бурный рост производительности труда и как следствие избавление от материальных тягот и бедности и наступление эры изобилия. "Но эта приманка, под разными именами служившая социалистической пропаганде столько, сколько существует социализм - такая же вспышка ложь сегодня, как и сто лет назад. (...) Даже многие экономисты социалистического толка, серьезно изучающие вопросы централизованного планирования, довольствуются теперь надеждой на то, что экономическая эффективность планового общества будет не меньше, чем у конкурентного; теперь они стоят за планирование не потому, что оно принесет повышение производительности, а потому, что оно обеспечит более справедливое и беспристрастное распределение материальных благ. (...) Однако, ценой, которую придется заплатить за осуществление чьего-то идеала справедливости, может оказаться только угнетение и недовольство населения, к которому никогда бы не могли привести столь поносимая ныне "свободная игра экономических сил"."

* * *

Лучшая из дарованных миру возможностей пропала втуне из-за страсти к равенству, погубившей всякую надежду на свободу.

Лорд Актон

В главе восьмой, названной автором "Кто кого?" речь вновь идет об идеалах свободы, с одной стороны, и идеалах равенства и справедливости, с другой. Как показывает Ф.Х., если торжествуют идеалы "равенства и справедливости", вслед за тем на сцену выйдут и победят диктаторы устанавливающие тоталитарный строй, в котором не будет не только свободы, но и не будет ни справедливости, ни равенства в их прежнем понимании.

"Люди забыли, что такое несвобода, поэтому они часто упускают из виду тот очевидный факт, что низкооплачиваемый неквалифицированный рабочий в Англии – практически в гораздо большей степени хозяин своей судьбы, чем мелкий предприниматель в Германии или высокооплачиваемый инженер или директор в России. (...) Наше поколение забыло, что система частной собственности – важнейшая гарантия свободы не только для владельцев собственности, но и для тех, у кого ее нет. (...) Можно ли усомниться, что (...) у мультимиллионера, оказавшегося моим соседом, а может быть, и работодателем, надо мной гораздо меньше власти, чем у ничтожнейшего чиновника, в чьих руках государственный аппарат насилия и от чьей прихоти зависит, позволено ли мне будет жить и работать? И кто возьмется стричь, что общество, в котором власть в руках богатых, все равно лучше общества, в котором богатыми могут стать только те, в чьих руках власть?

Следить за тем, как эту истину открывает для себя такой известный старый коммунист как Макс Истмен – грустное, но в то же время обнадеживающее зрелище:

"Теперь мне ясно, – пишет он в недавно опубликованной статье, – хотя, должен признаться, я долго шел к этому выводу – что институт частной собственности – один из важнейших столпов той ограниченной свободы и равенства, которые Маркс надеялся безгранично расширить, уничтожив этот институт. Как ни странно, первым понял это сам Маркс. Именно он, оглянувшись назад, заметил, что предпосылкой для возникновения и развития всех наших

демократических свобод было возникновение частного капитала и свободной торговли. Но ему так и не пришло в голову посмотреть вперед и сообразить, что в таком случае с уничтожением свободной торговли эти свободы также и могут исчезнуть.”

“Кажется, знаменитую угрозу “Кто кого?”, олицетворявшую в первые годы советской власти основной вопрос, стоявший перед социалистическим обществом, ввел в употребление сам Ленин. Этот вопрос не сводится к простейшей дилемме непримиримой борьбы за власть – кто кого одолеет, “мы – их, или они – нас”, по выражению того же Ленина. Он в максимально скатом виде заключает в себе принципиальнейший вопрос о том, кто будет субъектом, а кто – объектом действий, определяющих условия жизни каждого человека при социализме. Кто будет планировать и кого это планирование будет обязывать что-то делать? Кто будет руководить и кого будут заставлять подчиняться? Кто определяет социальное положение других людей и кто вынужден получать лишь то, что ему выделено другими? Все это превращается неизбежно в главные вопросы, которые может решить только верховная власть. (...) Конфликт между фашистской (национал-социалистической) партией и старыми социалистическими партиями нужно рассматривать в значительной мере как неизбежный конфликт между соперничающими фракциями. Они не расходились в вопросе о том, что именно власть государства должна спределять место каждого человека в обществе. Но между ними были, и всегда будут, глубочайшие расхождения в вопросе о том, какое место должны занимать конкретные классы и социальные группы. (...) Социализм рабочего класса вырос в демократическом и либеральном мире, приспосабливая к нему свою тактику и перенимая многие идеалы либерализма. Его главные деятели все еще верили в то, что построение социализма решит все проблемы. С другой стороны, фашизм и национал-социализм выросли на основе все более регулируемого общества, начинавшего сознавать, что демократический и интернационалистический социализм стремится к несовместимым идеалам. Их тактика вырабатывалась в мире, где уже господствовал социалистический политический курс и вызываемые им трудности. У них не было иллюзий относительно возможности демократического решения вопросов, требующего от людей большего единодушия, чем можно сказать. У них не было иллюзий ни по поводу способности разума

решить неизбежно встающую в связи с планированием проблему относительных человеческих потребностей, ни по поводу того, что ответ дается принципам равенства. Они знали, что сильнейшая группировка, которая соберет достаточно сторонников нового иерархического общественного порядка и прямо обещает классам, к которым апеллирует, определенные привилегии, имеет больше шансов на поддержку со стороны тех, кто испытал разочарование, когда обещанное равенство превратилось в содействие интересам определенного класса. Главная причина успеха фашизма и национал-социализма заключалась в том, что эти движения предложили теорию (или мировоззрение), которая, казалось, со всей очевидностью доказывала справедливость и заслуженность привилегий, обещанных тем, кто их поддержит."

***

Всё общество превратится в единое учреждение, единую фабрику с равным трудом и равной платой.

В.И.Ленин, 1917 г.

В стране, где единственным работодателем является государство, оппозиция означает медленную голодную смерть. Старый принцип - кто не работает, тот не ест, - заменяется новым: кто не повинуется, тот не ест. /Л.Д.Троцкий, 1937г./

В девятой главе "Свобода и материальная обеспеченность" доктор Хайек всесторонне рассматривает проблему гарантий материальной обеспеченности, показывая, что при вполне определенных условиях обеспечение этих гарантий - шаг в сторону ограничений экономической свободы и к централизованному планированию. Мы приведем лишь незначительную часть рассуждений автора.

"Для начала полезно сопоставить два противоположных вида обеспеченности: ограниченную, которая может быть достигнута для всех и потому является не привилегией, а законным предметом устремлений; и абсолютную, гарантированную при любых обстоятельствах, которую всем в свободном обществе обеспечить невозможно и которая не должна предоставляться в качестве приви-

легии (за исключением нескольких особых случаев, как, например, для судей, полная и абсолютная независимость которых - дело первостепенной важности).

К первому виду относится ситуация, когда каждый человек может быть уверен, что он застрахован от тяжелых физических линий - другими словами, когда в с е м гарантирован определенный минимум средств к существованию; ко второму - гарантирование определенного жизненного уровня или же положения в обществе, которое характеризует данное лицо или социальную группу по сравнению с другими. (...) ... Различие это в основном совпадает с различием между гарантиями обеспеченности, которые могут быть обеспечены лишь для некоторых граждан, и только с помощью контроля или уничтожения рыночной экономики. ... Гарантии первого типа вполне можно обеспечить, не ставя под угрозу свободу. (...) Более того, для значительной части населения Англии гарантированная обеспеченность стала давно реальностью. (...) ... Когда мы имеем дело с подлинным "страхуемым риском", - многое говорит в пользу государственного содействия организации всеобъемлющей системы социального страхования. (...) К этой же категории относится оказание государством помощи жертвам стихийных бедствий, таких как наводнения и землетрясения. (...) Наконец, в высшей степени важна проблема борьбы с последствиями периодических спадов общей экономической активности и сопровождающим депрессию ростом массовой безработицы. (...) Планирование, предательски подкапывающееся под самые основы свободы, ставит своей целью обеспечение застрахованности совсем иного рода, а именно - застрахованности отдельных людей или групп от уменьшения их дохода, уменьшения, пусть даже совершенно незаслуженного, но ежесиюло случавшегося в конкурентном обществе; застрахованности от потерь, приносящих суровые лишения, ничем морально не оправданных, но неотделимых от свободной конкуренции. Таким образом, требование застрахованности такого рода есть не что иное, как видоизмененное требование, чтобы вознаграждение было справедливым, т.е. соответствовало не объективным результатам личных усилий, а субъективным достоинствам. Но такого рода застрахованность или справедливость несовместимы со свободой выбора оплачиваемого занятия.

(...) Итак, перед нами неразрешимый конфликт между двумя несовместимыми типами общественного устройства, которые часто называют, по наиболее характерным их проявлениям, обществом коммерческого типа и обществом военизированного типа... третьего пути нет. Либо на плечи человека ложится и выбор, и риск, либо его освобождают и от того, и от другого. (...). Однако такая застрахованность неотделима от ограничений свободы и от иерархического устройства, связанного с армейским образом жизни. Это застрахованность казармы. (...) ... Необходимо снова проникнуться убеждением, на котором основано правление свободы в англо-саксонских странах и которое выразил Бенджамин Франклин в словах, применяемых не только к странам, но и к отдельным людям: "Те, кто отказываются от свободы в главном ради временной безопасности, не заслуживают ни безопасности, ни свободы."

***

Всякая власть развращает, но абсолютная власть развращает абсолютно.

Лорд Актон

В десятой главе, названной "Почему у власти оказываются худшие", Хайек, в частности, пишет: "Рассмотрим теперь одно распространенное убеждение, в котором черпают утешение те, кто считает приход тоталитаризма неизбежным... Убеждение это сводится к тому, что наиболее отталкивающими чертами тоталитарные режимы обязаны исторической случайности: ведь их устанавливали бандиты и мерзавцы. ... Разве не могут оказаться во главе такой системы (если она необходима для достижения грандиозных целей) порядочные люди, которые будут управлять в интересах всего общества? (...) Мы уже как будто слышим (...), что тоталитаризм может одинаково творить добро и зло..." Однако "Как демократическому государственному деятелю, занявшемуся планированием экономики, вскоре придется либо возложить на себя диктаторские полномочия, либо отказаться от своих планов, точно также тоталитаризму диктатору вскоре придется выбирать между отказом от привычных моральных устоев и неминуемым крахом. Вот почему в обществе, тяготеющем к тоталитаризму, больше шансов на успех имеют люди без моральных устоев и без совести.

Тот, кто этого не понимает, еще не полностью сознал, какая пропасть отделяет тоталитаризм от либерального строя, насколько вся моральная атмосфера при коллективизме иная, чем в исключительно индивидуалистической западной цивилизации. (...) Социализм можно осуществить на практике только методами, не одобряемыми большинством социалистов: вот урок, усвоенный многими социальными реформаторами прошлого. (...) Принцип, гласящий, что цель спрандывает средства в индивидуалистической этике считается отрицанием всякой этики. В коллективистской этике он неизбежно становится верховным принципом: не существует буквально ничего, чего последовательный коллективист не сделает, если это нужно для "блага коллектива", ибо "благо коллектива" для него - единственный критерий того, что можно, а чего нельзя. (...) Возникает необходимость браться за дела, которые всеми признаются "грязными", но безусловно необходимые для некоторой "высшей цели", и эти дела должны будут выполняться столь же четко и профессионально, как любые другие. А поскольку будет существовать потребность в подобного рода "грязной работе", на которую несомненно будут соглашаться те, что еще не до конца преодолели в сознании пережитки традиционной морали, то готовность к ее выполнению откроет дорогу к продвижению и власти".

В заключение автор приводит высказывание американского экономиста Ф. Найта: "... им придется все это делать, хотят они этого или не хотят; а вероятность того, что у власти окажутся люди не любящие власти, равна вероятности назначения человека, известного своим мягкотерпением, надсмотрщиком на плантации, где трудятся рабы."

и и и

Показательно, что обобществление мысли повсюду шло в равной мере с обобществлением средств производства.

Э. Карр

Мы не будем сколько-нибудь подробно цитировать одиннадцатую главу, названную Ф.Х. "Конец правды", ввиду полной очевидности для нас сегодня всего, что там написано с целенаправленной и единообразной пропаганде обязательной для всех системы взглядов, с подавлении всякого инакомыслия и фактическим запрете

свободных дискуссий и т.д. и т.п. Автор пишет об этом, как обязательном атрибуте любого тоталитарного строя. Приведем только важный стривск, которым Хайек заключает эту главу: "Трагедия колективистской мысли в том, что, начав с признания верховной власти разума, она кончает его уничтожением, ибо неверно понимает процесс, от которого зависит развитие разума. Можно даже сказать, что перед нами парадокс всякой колективистской доктрины с ее требованием "сознательного" контроля или "сознательного" планирования: и то, и другое неизбежно приводит к принуждению верховной властью разума отдельного человека - тогда как в действительности только индивидуалистический подход к социальным явлениям позволяет нам признать определяющую роль надличностных сил, направляющих развитие разума. Таким образом, индивидуализм характеризуется смиренiem перед независящим от нас социальным процессом и терпимостью по отношению к чужим взглядам. Словом, он представляет собой мощную противоположность той интеллектуальной гордыне, которая лежит в основе требования единого и всеобъемлющего руководства интеллектуальным развитием общества."

***

Все антилиберальные силы объединяются
против всего либерального.

А.Меллер ван ден Брук

Мы позволим себе привести целиком первый раздел следующей двенадцатой главы, названной "Социалистические корни нацизма": "Широко распространено представление о национал-социализме как о бунте против разума, как об иррациональном движении без интеллектуальной смысли. Если бы это было так, нацизм был бы гораздо менее опасен; но нет ничего обманчивее такого представления. Национал-социалистическое учение - венец длительной эволюции философской мысли, чье влияние было громадным не только в Германии, но и далеко за ее пределами. Как ни смотреть на исходные посылки нового учения, невозможно отрицать, что его творцы были сильными мыслителями, оставившими отпечаток на всей европейской философии. Свою систему они строили с безжалостной последовательностью. Стоит человеку согласиться с ее исходными

посылками, и он уже не может вырваться из когтей их логики. Это голый колlettivizm, очищенный от всяких примесей индивидуалистической традиции, способной помешать его претворению в жизнь.

Немецкие мыслители были отнюдь не единственными зачинателями этого пути развития. Труды Томаса Карлейля и Хьюстона Стиарта Чемберлена, Огюста Канта и Жоржа Сореля — такая же неотъемлемая часть этого философского направления, как и работы немцев. Эволюцию его в самой Германии хорошо показал Р.Д.Батлер в своем исследовании Корни национал-социализма. Прослеженная им живучесть этой линии, ее периодическое возрождение в почти неизменном виде на протяжении ста пятидесяти лет выглядит зловеще; и тем не менее, значение ее в Германии до 1914г. легко преувеличить. Это было лишь одно из философских направлений в стране, отличавшейся тогда, вероятно, самым большим разнообразием взглядов в мире. Да к тому же идеи эти разделялись лишь незначительным меньшинством, а у большинства немцев вызывали не меньшее презрение, чем у всех остальных.

Но в таком случае, почему же эти взгляды реакционного меньшинства в конце концов завоевали поддержку подавляющего большинства немцев и практически всей немецкой молодежи? Успех их вызван не только поражением в войне и связанными с ним страданиями, не только взрывом национализма, и уж отнюдь не капиталистической реакцией на надвигающийся социализм, как многим хочется думать. Наоборот, поддержка, приведшая эти идеи к власти, исходила как раз из социалистического лагеря. Им помогла не буржуазия, а, напротив, отсутствие сильной буржуазии.

Теории, которыми руководствовались политики, находившиеся у власти в период Веймарской республики, были направлены не против социалистического в марксизме, а против сохранившихся в нем остатков либерализма в виде интернационализма и демократичности, и по мере того, как все ясней становилось, что именно эти элементы мешают претворению в жизнь социализма, левые социалисты начали все теснее сближаться с социалистами правого толка. Именно союз правых и левых антикапиталистических сил, слияние радикального социализма с консервативным, и привело к вытеснению из Германии всех либеральных сил.

Между социализмом и национализмом в Германии с самого на-

чала существовала тесная связь. Показательно, что все крупнейшие предшественники национал-социализма - Фихте, Родбертус и Лассаль - являются в то же время общепризнанными творцами социализма. Пока немецкое рабочее движение направлялось теоретическим социализмом в его марксистской форме, авторитарные и националистические его элементы составались на заднем плане. Но это продолжалось недолго. Начиная с 1914 года, из рядов социалистов марксистского толка начали один за другим выдвигаться проповедники, обращавшие в национал-социалистическую веру не консерваторов и реакционеров, а тружеников и идеалистически настроенную молодежь. Только после этого национализм стал играть первостепенную роль и быстро перерос в гитлеризм. Началом развития, породившего национал-социализм, была весенняя история 1914 года, от которой Германия из-за своего поражения никогда полностью не оправилась, и в этот период росту национал-социализма значительно способствовали бывшие социалисты".

* * *

Притягательная сила власти, надевшей на себя личину организации общества, столь велика, что способна превратить содружество свободных людей в тоталитарное государство.

Таймс

В главе тринадцатой "Тоталитаристы среди нас", автор исследует ситуацию в Великобритании начала 40-х годов, отмечая опасность наступления тоталитарных тенденций. Опасность он видит в социалистическом образе мысли многих интеллектуалов, с одной стороны, в росте монополистических тенденций, с другой стороны, а также в деятельности крупных профсоюзов и позиции лейбористской партии.

"Проблема монополий не была бы столь трудной, если бы бороться приходилось только с капиталистом-монополистом. Но .... монополии превратились в угрозу... не усилиями нескольких заинтересованных в них капиталистов, а благодаря поддержке тех, кому капиталисты стали уделять долю всех прибылей, и тех, кого им удалось убедить, что, поддерживая монополии, они помогают построению более справедливого и упорядченного общества. Роко-

вым поворотным пунктом современного хода развития был момент, когда великое движение, изначальной целью которого является борьба с любыми привилегиями – лейбористское движение – подпало под влияние антиконкурентных теорий и само вмешалось в борьбу за привилегии. Рост монополий в последние годы – в большей мере результат сознательного сотрудничества объединений капиталистов с рабочими объединениями, при котором привилегированные рабочие группировки получают долю монополистических прибылей за счет общества, причем главным образом – за счет беднейших его слоев...

Одно из печальнейших зрелищ нашей эпохи – массовое демократическое движение, выступающее за политику, которая неизбежно ведет к уничтожению демократии... (...) Тот факт, что великая партия, занявшая в парламенте и в общественном мнении место прогрессивных партий прошлого, ищущая примкнуть к движению, которое в свете всего прежнего хода развития, следует считать реакционным, является поворотным событием нашего времени, источником смертельной опасности для всего того, что дорого сердцу либерала. В прошлом прогрессу угрожали консервативные правые силы – явление, характерное для всех времен, не вызывавшее никакой тревоги. Но если место оппозиции и в парламенте, и в общественных дискуссиях будет прочис монополизировано второй реакционной партией – тогда надеяться больше не на что".

* * *

Разве правильно, разве справедливо, чтобы большинство порабощало меньшинство, стремящееся быть свободным? Те, кто не жаждут ничего иного, кроме своей собственной законной свободы, имеют право добиваться ее всегда, когда это в их власти, сколько бы голосов этому не противилось.

Джон Мильтон

Приведем несколько выдержек из четырнадцатой главы, называемойся "Материальные обстоятельства и моральные идеалы", хотя сми, в данном случае, не отражают всех аспектов проблемы,

рассмотренной автором. "Только когда мы сами несем ответственность за свои интересы и свободны принести их в жертву по собственной воле, наше решение имеет моральную ценность. Мы не имеем права быть альтруистами за чей-то счет; точно также нет никакой заслуги в альтруизме, если у нас нет выбора. (...). Свобода самим устанавливать собственное поведение в сфере, где выбор навязывается материальными обстоятельствами, ответственность за устройство своей жизни в соответствии с велениями совести - вот единственный воздух, в котором может развиваться нравственное чувство, в котором моральные ценности ежедневно воссоздаются свободным волеизъявлением индивидуума. Ответственность не перед начальством, а перед собственной совестью, сознание долга, не предписанного сверху, необходимость решать, какими ценностями пожертвовать, и способность нести последствия своего решения - вот суть этики, заслуживающей этого наименования.

В сфере личного поведения влияние колLECTИВИЗМА было почти целиком разрушительным, и это не только неизбежно, но и неоспоримо".

* * *

Мы спустим изложение последней главы "Перспективы планирования в международном масштабе".

В заключении своей книги Ф.А.Хайек пишет: "Сейчас наша первейшая несобходимость - избавиться от ... уверенности, что все, совершенное нами в недавнем прошлом, было либо разумно, либо неизбежно. Мы не поумнеем, прежде чем не поймем, что многое из нами сделанного было очень глупо.

Чтобы построить лучший мир, у нас должно хватить мужества начать всё сначала ... (...). Если первая попытка создать мир свободных людей не удалась, нужно предпринять вторую. Руководящий принцип, согласно которому единственная подлинно прогрессивная политика - это политика, направленная на достижение свободы личности, сегодня так же верен, как и в девятнадцатом веке". Эти слова доктора Ф.А.Хайека актуальны сегодня как и сорок пять лет назад.

oooooooo